

Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 55–57.
Humanitarian Researches. 2022;1(81):55–57.
Научная статья
УДК 81:1751

**Флокенальность вербальной коммуникации:
антропологический подход**

Ксения Николаевна Гущина

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия, k.churzina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена попытка раскрыть антропологически обусловленные причины несовершенной природы коммуникативной системы человека. Кроме того, представлен ряд гипотез о происхождении языка отечественных и зарубежных лингвистов, объясняющих причину флокенальности вербального контакта. Автор настоящей работы пытается решить проблему несовершенства человеческой коммуникации в русле антропологического подхода, что дает необходимый методологический инструментарий для объяснения причины возникновения проблемы на этимологическом уровне понимания коммуникативных процессов.

Ключевые слова: глоттогенез, язык, коммуникация, слово, мышление

Для цитирования: Гущина К.Н. Флокенальность вербальной коммуникации: антропологический подход // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 55–57.

Original article

**Flockenality of verbal communication:
anthropological approach**

Ksenia N. Gushchina

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, k.churzina@yandex.ru

Abstract. The article presents an attempt to uncover the anthropologically conditioned causes of the imperfect nature of the human communicative system. In addition, a number of hypotheses about the origin of the language of domestic and foreign linguists are presented, explaining the reason for the flockenality of verbal contact. The author of this work tries to solve the problem of imperfection of human communication in line with the anthropological approach, which provides the necessary methodological tools to explain the cause of the problem at the etymological level of understanding of communicative processes.

Keywords: glottogenesis, language, communication, word, thinking

For citation: Gushchina K.N. Flockenality of verbal communication: anthropological approach. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;1(81):55–57. (In Russ).

Язык как одна из эволюционно обусловленных форм коммуникации по одной из существующих теорий глоттогенеза возникает и развивается как явление социальное, причем на том этапе развития, когда объединение гоминид – наших человекоподобных предков – можно уже назвать коллективом. Так, японский приматолог Нобуо Масатака отмечает: «Эгоистические индивиды не могли создать язык, следовательно, прежде всего им надо было объединиться, почувствовать себя единым коллективом – настолько единым, чтобы обмен информацией имел смысл» [1, с. 273]. Учёный развивает свою теорию на примере стадий общения матери с новорожденным ребенком и приходит к выводу, что в результате такого общения создается ощущение сплоченности, эмоциональной сопричастности кому-то или чему-то, а также навыки звукоподражания. Юрий Мониц, лингвист и автор монографии «К истокам человеческой коммуникации (ритуализованное поведение и язык)» также выводит свою гипотезу происхождения языка на основе анализа ритуализованного поведения человекоподобных предков – ритуала принесения клятвы верности своему племени, то есть тоже отмечая социальную природу человека, но в аспекте *свой–чужой*: «Ритуализованный знак, – как пишет Ю. Мониц, – маркирующий территорию первобытного коллектива, символизирует его внутреннюю сплоченность и обороняет его от внешнего мира...» [3, с. 35]. И таких теорий происхождения языка и, как следствие, коммуникации, основанных на социальном поведении предков придерживаются ряд других учёных-антропологов и лингвистов: Ник Энфилд, А.Н. Барилин, Н.Л. Комарова и Мартин Новак и др. И несмотря на то, что проблема глоттогенеза до сих пор однозначно не решена, социальный аспект эволюции человека нельзя игнорировать. Стремление к объединению в группы, сообщества, стаи есть практически у всех животных, не говоря уже о человекоподобных обезьянах, – этот процесс биологически и эволюционно обусловленный. Но у человеческого объединения есть свойство на порядок выше, чем у животных – *кооперация*, которая по мнению исследователя глоттогенетических гипотез С.А. Бурлак, «сыграла чрезвычайно важную роль в становлении

языка» [1, с. 257] как ведущей формы коммуникации. Кроме того, само слово (или языковой знак) как единица общения в своей содержательной структуре несёт зачаток коммуникативности.

Но так ли удобна и совершенна человеческая языковая система для коммуникации?

Речемыслительная деятельность современного человека – это результат миллионов лет эволюции и комплексная работа высшей нервной деятельности по обеспечению способности к отражению и опосредованию нашего сознания, «включения системы речевых связей в значительное число процессов» [2, с. 202], перехода «от ощущения к мышлению» [там же]; при участии языка и речи осуществляются процессы слушания, внимания, запоминания, различные модусы перцепции и мышления и др. – все описанное в итоге даёт возможность и самому субъекту речи управлять психическими процессами. Следовательно, коммуникативная деятельность, а также язык и речь как её базовый и базисный инструментальный – сложно организованная функциональная система, эволюционно, биологически, анатомически, физиологически и социально обусловленная по своему генезису, материальным субстратом которых являются «функционально комбинаторные центры» [4, с. 143], локализованные в коре головного мозга. Все вышеизложенное дает основания предположить, что коммуникационная система человека устроена вполне совершенно и лишает эту научную область своей проблемности.

Откуда тогда появились проблемы коммуникации?

Ответ на этот вопрос может дать антропологический подход к данной, а именно, жестовая гипотеза происхождения языка. Согласно исследованию М. Томаселло, изложенному в работе «Истоки человеческого общения», вербальной человеческой коммуникации предшествовала жестовая система наших предков-приматов. Но спектр этих жестов и их информативный регистр был весьма ограничен: указательные жесты, жесты по привлечению внимания, жесты намерений и ряд других. Помимо ограниченности подобного рода невербальной коммуникации, жесты были еще не вполне удобны для использования, например, в ночное время суток. Кроме того, исследователь отмечает параллельность эволюции языка и когнитивного потенциала гоминид, что объясняется развитием интерпретационной способности – умением контролировать и предсказывать действия своих сородичей. Это вполне объясняет стремление человека передать толкованию поступающую информацию. Однако невербальная форма общения покрывает коммуникативные потребности только в случае если ситуация общения, а также ее сформированная модель уже запечатлена в сознании индивида модель. Расширение и изменение ареала обитания гоминид, следовательно, увеличение количества разнородных моделей ситуаций значительно сократили коммуникативно-информативный жестовый потенциал. Если в «коммуникативном» пространстве появлялся кто-то, кто не владел ситуационными моделями, таким образом постепенно намечался разрыв между иконическим знаком (жестом) и соотносимым с ним действием. Разрыв между знаком и содержанием наметил важный вектор в развитии языка и мышления гоминид – стандартизация и стереотипизация знака, то есть «теперь они [прим. авт. – знаки] опознаются не вследствие своего сходства с изображаемым действием, а исключительно в силу того, что их исполняют стандартным привычным образом» [5, с. 65]. Фиксация формы знака продуцирует закрепление значения за каждым словом на этапе становления человеческого языка. Таким образом, необходимость знать о том, что знает и каким информативным ресурсом владеет другой (то есть наличие сознания) привело к появлению так называемого конвенционального языка, который сыграл важную роль в становлении и развитии языковой способности предков.

Слово как единица коммуникативного акта, выполняя номинативную функцию, вводит обозначаемый предмет в систему определенных связей и отношений по отношению к другим предметам, явлениям, свойствам и признакам. А его значение (смысл) сам по себе отпечаток социального лингвокреативного мышления, поскольку содержит обобщающее свойство предмета и зафиксировано в графическом знаке мыслительной операцией обобщения. Обобщение, в свою очередь, при вводе слова в коммуникативное пространство вызывает огромное количество встречных вопросов. Например, если произнести слово *стол*, то само по себе обобщенное представление о предмете мало информативно и требует дополнительного уточнения. Следовательно, диалогичность слова – это имманентное его свойство как коммуникативного знака, делающее процесс коммуникации неоднозначным.

Жестовая теория глоттогенеза во многом объясняет современные коммуникативные трудности. Так, для верной интерпретации коммуникативного события необходимо учитывать помимо собственно языковых много факторов, выходящих за рамки лингвистики (экстралингвистических), например: что знаете вы и знает ваш оппонент о конкретной ситуации, физиологические, анатомические, этнокультурные, конфессиональные особенности коммуникантов, природные и погодные условия и множественное число других факторов, которые наш мозг единоментно должен обрабатывать и выдавать адекватную реакцию. Зачастую человек не обладает полным объемом информации по каждой конкретной речевой ситуации, что вызывает коммуникативные трудности и приводит к недопониманию.

Так является ли несовершенство языка как основного инструмента коммуникации результатом эволюционного «просчета» или подобный «люфт» необходим людям?

Известно, что материальным (биологическим) субстратом человеческой коммуникации является мозг. Эволюция человека, в определенный момент времени пошедшая по линии увеличения объема и формирования особых зон и отделов мозга, усложнило поведение (в том числе и речевое) гоминид – непосредственных предков человека. Антропологический подход к основным существующим гипотезам глоттогенеза во многом объясняют несовершенство языковой

системы как коммуникационного инструмента своей филогенетической непредназначенностью непосредственно для нужд общения. Иницируя разного рода коммуникативные процессы (бытовые, деловые, межэтнические, межкультурные, межконфессиональные и др.), человек должен помнить о том, что несмотря на уникальную, сложную, иерархически организованную систему, язык в силу ряда эволюционно обусловленных причин, изложенных выше, коммуникативно не адаптивен. Это подтверждает гипотеза американского лингвиста Н. Хомского, утверждавшего, что язык возник из необходимости обеспечивать сложные мыслительные процессы, направленные, в первую очередь, на интерпретацию поведенческих реакций своих сородичей, а для этого можно обойтись и без специальной грамматики и сложного синтаксиса. Антропологическая этимология языка объясняет нам те коммуникативные трудности, с которыми сталкиваются люди.

«Современное» человеческое общение, базирующееся на информационно-смысловой основе, построено на многочисленных «тонких» коммуникационных «частотах», содержащих в себе нематериализованные в речи акустические, темпоральные, психологические, социальные и многие другие компоненты, а именно: жесты, интонацию, тембр голоса, настроение актора(-ов), гипертимию, психологическую готовность к акту, отношение к оппоненту (объекту), кореферентность, личное отношение к оппоненту, персональные компетенции участников речевого акта и многие другие важные невербальные факторы коммуникации, включая также персональные и социальные ожидания и интенции субъектов коммуникации. Всё вышеназванное увеличивает риски неудачности коммуникации с точки зрения абсолютной понятости друг другом или самим собой, но повышает интеллектуальную, а шире витальную продуктивность человека. Так, субъектное взаимодействие, имея базовые опорные стартовые координаты, лишено алгоритма, то есть коммуникативный акт заранее не запрограммирован, участник(-и) никогда не знают по какой линии будет протекать диалог, чем и как он закончится и закончится ли, а последнее есть важное условие для последующей в широком смысле слова эволюции субъектных систем взаимодействия.

Следовательно, флюидальность – имманентное свойство коммуникации. Этот коммуникативный «буферный люфт» между понимаем/непониманием, понятостью/непонятостью поддерживает социальную стабильность и стимулирует когнитивный онтогенез субъекта и, его разного рода адаптивные возможности адаптивные, подобно тому, как гибкие фиброзные швы костей черепа младенца облегчает и продуцирует процессы и родов и роста скелету головы.

Список источников

1. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. 607 с.
2. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. Москва : Изд-во Московского университета, 1962. 426 с.
3. Монич Ю.В. К истокам человеческой коммуникации : ритуализованное поведение и язык // Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Москва : Акад. гуманитар. исслед., 2005. 443 с.
4. Павлов И.П. Избранные произведения. Москва : [б. и.], 1949. Т. 6. 538 с.
5. Томаселло М. Истоки человеческого общения. Москва : Языки славянских культур, 2011. 305 с.
6. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 320 с.

References

1. Burlak S.A. Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy. Moscow, Al'pina non-fikshn. 2019:607.
2. Luriya A.R. Vysshie korkovye funkicii cheloveka i ih narusheniya pri lokal'nyh porazheniyah mozga. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1962:426.
3. Monich YU.V. K istokam chelovecheskoj kommunikacii : ritualizovannoe povedenie i yazyk. Moscow, Akad. gumanitar. issled. 2005:443.
4. Pavlov I. P. Izbrannyye proizvedeniya. Moscow. 1949;(6):538.
5. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011:305.
6. Homskij N., Bervik R. Chelovek govoryashchij. Evolyuciya i yazyk. St. Petersburg, Piter. 2021:320.

Информация об авторе

К.Н. Гущина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

K.N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 24.02.2022.

The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 24.02.2022.